

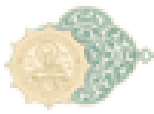
*Протоиерей Сергей Вейго,
преподаватель КДА и С*

О христианстве Константина Великого

В наше время западные историки обращают особое внимание на образ первого христианского императора — Константина Великого. Едва ли нужно раскрывать, чем в этом случае руководствуются критики от истории, в чьих интересах навредить христианству и умалить значение его идеалов. Совсем неспроста всё большее и большее распространение в западных исторических сочинениях приобретают новомодные взгляды на личность этого святого угодника Божьего. В протестантской литературе чуть ли не сделалось правилом раскрывать и доказывать, что Константин не был христианином. Историк Якоб Буркхардт в первом издании своего известного сочинения «Эпоха Константина Великого» приводит несколько псевдодоказательств в пользу языческих воззрений и действий Константина, а во втором издании того же сочинения еще более развивает эту мысль и преподносит ее в «ослепляющей» и подкупающей форме²⁵⁰.

Буркхардт и Гарнак трактуют переход Константина в христианство как результат его политических расчетов. «Часто пытаются, — говорит Буркхардт, — проникнуть в религиозное сознание Константина и начертать образ предполагаемых изменений его религиозных воззрений. Это совершенно напрасный труд. В применении к гениальному мужу, которому честолюбие и жажда власти не оставляют спокойного часа, не может быть и речи о сознательной религиозности или безрелигиозности; такой человек по существу безрелигиозен, даже если он сам воображает, что действует среди религиозного общества. Мирооъемлющие планы, властные мечты влекут его без оглядки в кровавые реки побитых армий... и если на одно мгновение он овладевает своим истинным религиозным сознанием, то эта

²⁵⁰ Лебедев А.П. Споры об апостольском символе. История догматов. Исследования по истории древней Церкви. СПб., 2004. С. 259.

религия есть фатализм»²⁵¹. Не что иное, как желание воспользоваться христианами в своих политических целях, и направило внимание св. Константина в сторону их религии. Непосредственное знакомство с христианами уже убедило его, что христиане — добрые подданные, что их много, что дальнейшее преследование их для здравой политики не имело смысла. Т. е. мы видим, что ученые, которые отрицают приверженность Константина христианству и объясняют столь резкую перемену в поведении императора конъюнктурными соображениями, очевидно, противопоставляют Константина-политика и Константина-христианина. Как будто в одном человеке не могут гармонично сочетаться и вера, и здравый смысл, и целесообразность действий. К примеру, Дж. Бэйкер пишет: «Государственные мужи, особенно когда они являются также полководцами, редко испытывают симпатию к чему-либо слабому и униженному. Маловероятно, что Константин поддержал Церковь потому, что она оказалась беспомощной и гонимой. Он поддержал ее потому, что она была явно сильна и необычайно опасна в случае конфликта»²⁵². Следуя этой логике, можно прийти к выводу, что Константин решил воспользоваться помощью новой влиятельной силы — христиан, а когда это было сделано, задним числом объяснил эту перемену чудесным знамением. «Опыт привлечь христиан на свою сторону, сделанный им в трудных обстоятельствах жизни, сопровождавших войну с Максенцием, оправдал его расчеты, и чем теснее он сближался с христианством, тем яснее становилось для него, что Церковь с ее постоянно увеличивающимся числом последователей, с ее строго выработанной организацией иерархии, с ее своеобразным соборным управлением представляет собой мощную силу, способную дать в себе самую прочную опору для государства»²⁵³. Милости, оказанные им христианской Церкви, создали в преданиях ее убеждение в искренней принадлежности Константина к христианству, но на самом деле Константин «почти ни разу за всю свою жизнь не заявил себя прямо христианином и до конца жизни сохранил свое личное убеждение ни от чего не зависимым»²⁵⁴.

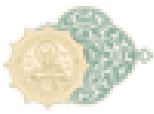
Гарнак руководствуется иными соображениями. В своей обширной и необыкновенно богатой, по собранному в ней материалу, работе по истории распространения христианства в Римской империи, ученый утверждает, что уже к началу IV века христианство являлось преобладающим элементом почти во всех главнейших провинциях римского царства. «Победа христианства, — пишет Гарнак, — во всей Малой

²⁵¹ Буркхард Якоб. Век Константина Великого. М., 2003. С. 350.

²⁵² Садов А. И. Древнехристианский писатель Лактанций. СПб., 1900. С. 11.

²⁵³ Спасский А. Обращение императора Константина Великого в христианство. ТСА., 1904. С. 4.

²⁵⁴ Буркхард Якоб. Век Константина Великого. М., 2003. С. 327.

Азии была решена еще до времени Константина, в других областях она уже готовилась. Не было нужды ни в каком особенном озарении, ни в каком небесном призыве к войне, чтобы осуществить на деле то, что уже было готово. Нужен был только проникательный и деятельный политик, который способен был принять внутреннее участие в религиозном состоянии его времени. Таков был Константин. Что он хорошо понял это и умело воспользовался — в этом его гениальность»²⁵⁵. Однако соучастие в грандиозном процессе массовой христианизации без душевной вовлеченности в него неизбежно породило бы внутренний конфликт, скрыть который вряд ли удалось бы: он, так или иначе, давал бы о себе знать, а этого не было.

Бесспорно, в деле обращения Константина в христианство политические мотивы имели свое место, и с ними должна считаться официальная наука. А вот согласиться с приведенным выше заключением Гарнака по поводу того, что в эпоху Константина христиане составляли собой преобладающее большинство хотя бы в наиболее важных провинциях Римской империи или, по крайней мере, пользовались стоящим внимания политическим влиянием в государстве, вряд ли возможно.

Почему? Всякие статистические исследования подобного рода «грешат» методическими ошибками. Их можно выделить, по крайней мере, четыре.

Первая. Во всем сочинении Гарнака речь идет лишь об одних христианах. «Все документы древности привлекаются к делу только для того, чтобы определить численность христиан, о язычниках же не говорится ни слова, а эта односторонность неизбежно вызывает у читателя ложное представление, что как будто язычников в эту эпоху совсем не было и что всё население состояло из одних христиан»²⁵⁶.

Вторая. Господствовавшая над умами первых верующих во Христа мысль о близкой кончине мира сформировала и укрепила их убеждение в том, что Евангелие распространилось по всем концам земли и что все народы, обитающие во вселенной, услышали Слово и знают, что, согласно обетованию Господню, гибель мира и утверждение Царствия Божия наступят в ближайшее время: «Это убеждение аподиктически высказывается уже у первого поколения христианских писателей, — когда численность христианства была ничтожна и сами христианские общины еще не обращали на себя никакого внимания, — в творениях мужей апостольских, у Климента Римского, Игнатия Богоносца, в “Пастыре” Ерма, и самое интенсивное выражение себе находит в сочинениях Тертуллиана»²⁵⁷.

²⁵⁵ Harnak A. Die Mission und Ausbreitung der Christentums in der ersten drei Jahrhunderten. Leipzig, 1902. S. 544.

²⁵⁶ Спасский А. Обращение императора Константина Великого в христианство. ТСА., 1904. С. 5.

²⁵⁷ Там же. С. 7.

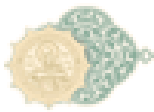
Третья ошибка кроется в расчетах. Соотношение числа прихожан с числом епископов в современном мире, используемое Гарнаком как метод при определении количества христиан, совершенно не соответствует такому соотношению в древней Церкви.

И, наконец, четвертая. Чтобы иметь «строغو организованную иерархию», в том числе церковную, требуется немало времени. А потому всерьез говорить о таковой в первые века существования христианства не приходится.

По здравом рассуждении можно утверждать, что количественные и качественные характеристики христианства времен Константина были не столь внушительны, чтобы на него делать ставку исключительно из политических соображений. Значительно уступая в своей численности приверженцам язычества, лишённые всякого политического влияния, они, к тому же, были запуганны гонениями на них, и потому стояли в стороне от всяких соприкосновений с политикой, заботясь только о приуготовлении себя к будущей вечной жизни. Какую такую опору могло представлять из себя сообщество забывших о мирских интересах людей полководцу, стремившемуся к обладанию всей Римской империей? Что они могли предложить ему, кроме своей веры и нравственности? Но в том-то и дело, что мужественное, сплоченное, высоконравственное общество первых христиан «среди безнравственного языческого населения IV века, с равнодушием рабов смотревшего на перемену своих повелителей»²⁵⁸, представляло собой единственно здоровое «зерно» во всей империи и могучую моральную силу, способную возродить государственную жизнь. Однако это «зерно» сначала нужно было разглядеть, убедиться в его силе и поверить в нее, а уж потом воспользоваться ею. И только искреннее обращение Константина в христианство могло побудить его приверженцев жертвовать своими жизнями и состояниями во имя империи и императора. Иначе к благородным качествам, присутствующим истинно верующим во Христа, неизбежно придется добавить глупость и доверчивость.

Тем не менее, восприятие Бога христиан как могущественной силы, одного из богов, способных влиять на течение событий в мире, еще до времени Константина, очевидно, было распространено в высших кругах римского общества. Подтверждением этого могут служить известия об имевших место актах поклонения Богу христиан (наряду с другими богами, но не вместо них) со стороны некоторых императоров III века. Уже Гелиогабал не считал христианство пустым «суеверием», но расценивал его как один из тех культов, отправляя которого необходимо, а Александр Север в своем помещении для ларов имел изобра-

²⁵⁸ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. М., 1883. Ч. 1. С. 496, прим. 1.

жения Христа и Авраама и приносил им жертвы наравне с языческими богами и обожествляемыми императорами.

По всей видимости, Бог христиан воспринимался языческой аристократией как могущественная, хотя еще и чуждая, сила уже в III веке. Именно это, а также появление новой политической элиты, вышедшей из провинции и даже из низов, имевшей низкий культурный уровень и не связанной с традиционными римскими культами, было благоприятной почвой для распространения христианства в высших слоях общества в случае прихода к власти императора, однозначно ориентированного на поддержку этой религии. Обратной стороной подобной «христианизации» был ее сугубо поверхностный характер.

Именно по этому сценарию события развивались после того, как пришедший к власти Константин начал покровительствовать Церкви. Для верхушки общества не составило особой проблемы признать главенство Христа, не отрицая при этом традиционных богов. Так, по сообщению церковного деятеля V века Сальвиана Марсельского, многие жители Северной Африки, которые говорят о вере во Христа, душой служат идолам. Они зовутся христианами, но почитают Целесту после Христа или раньше, чем Христа. Далее Сальвиан отмечает, что так поступают только самые знатные люди (*nobilissimi, potentissimi ac sublimissimi*), но их святотатственное суевение загрязняет весь город²⁵⁹.

Об обращении Константина в христианство Евсевий Кесарийский говорит два раза. Первый раз во 2-й главе 9-й книги своей Истории. В ней Константин изображается человеком высоконравственным и религиозным: «Когда он шел освобождать Рим, то призвал в молитве в союзники Бога небесного и Его Слово, Иисуса Христа». Константин вступил в борьбу, одержал победу над врагами и засвидетельствовал свою веру во Христа. Он велел поставить в Риме свою статую со спасительным знамением креста в руке, но не поднятый крест, как у проповедника, а копье с крестообразной вершиной. Таким образом, это «знамение можно было понимать двояко: язычники полагали, что победа одержана силой оружия Константина, тогда как христиане приписывали это дело силе креста»²⁶⁰. В другом рассказе Евсевий передает то же событие, но когда говорит о молитве, прибавляет: «призвав к себе на помощь Бога всех, и Христа, и победный трофей — спасительное знамение...», т.е. «очевидно св. крест»²⁶¹. Вынужденный политическими обстоятельствами выступить в поход на Максенция, захватившего власть над Италией и Римом, — в поход, который, по че-

²⁵⁹ Попова Т.В. Художественные особенности сочинения Евсевия Кесарийского. Б. м., 1973. № 34. С. 12.

²⁶⁰ Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви. Т. 3: История Церкви в период Вселенских Соборов. М., 1994. С. 10.

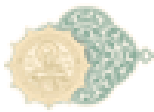
²⁶¹ Там же.

ловеческим расчетам, обещал мало хорошего, — Константин пришел в смущение из-за предстоявшего ему дела и стал размышлять о том, какого бы бога призвать себе на помощь? «Уразумев, что ему нужна помощь выше воинских средств, Константин, для отражения злоумышлений и чародейских хитростей, которыми любил пользоваться тиран, искал помощи Божьей. Вооружение и множество войска почитая средствами второстепенными, он признавал непреодолимым и несокрушимым только содействие Бога. Поэтому стал думать, какого Бога призвать бы себе на помощь. При решении этого вопроса ему пришло на мысль, что немалое число прежних державных лиц, возложив свою надежду на многих богов и служа им жертвами и дарами, прежде всего, бывали обманываемы лживыми оракулами, обольщались благоприятными предсказаниями и оканчивали свое дело неблагоприятно. Ни один из богов не был к ним столь милостив, чтобы не подвергать их посланным свыше бедствиям. Только отец его шел путем тому противным. Видя их заблуждение и всю свою жизнь почитая единого верховного Бога всяческих, он находил в Нем спасителя своего царства, хранителя его и руководителя ко всякому благу. Константин различал это сам про себя и основательно рассуждал, что полагавшиеся на многих богов подвергались и многим бедствиям, так, что между людьми не осталось ни рода их, ни племени, ни корня, ни имени, ни памяти. Между тем как Бог отца его давал ему чувствовать разительные и весьма многие доказательства своей силы. Сверх того наблюдал он, что прежде уже вступавшие в войну с тираном сражались при множестве богов, однако же, имели постыдный конец: один из них удалился со стыдом, не начав еще дела, а другой, пораженный среди самого войска, сделался легкой добычей смерти. Слагая всё это в своем уме, он почитал безумием — попусту держаться богов несуществующих и, после стольких доказательств, оставаться в заблуждении, а потому убедился, что должно чтить Бога отеческого»²⁶².

Говоря о «Боге отеческом» церковный историк имеет в виду Бога отца святого Константина — Констанция Хлора, человека, который, по выражению всё того же Евсевия Памфила, «...был одним из славнейших наших самодержцев... сохранил руки чистыми от такого губительного деяния и никогда ни в чем не уподоблялся им» (Диоклетиану, Галерию и прочим гонителям — *Прим. С.В.*). Повествуя далее об отце равноапостольного императора, Евсевий также передает, что «Во всё продолжение своего царствования... он весь свой дом, вместе с детьми, женою и домашними, посвятил одному Царю всех — Богу, так что общество, собравшееся в его дворце, ничем не отличалось от церкви Божьей. В этом обществе находились и служители Бога, которые непрестанно

²⁶² Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998. С. 42.

возносили молитвы о Царе своем (Боге)». Сам Константин впоследствии называл Бога христиан «Богом отца моего»²⁶³.

Потому совершенно естественны обращения Константина к Богу отца своего, его просьбы о явлении, засвидетельствовании, помощи, которые были услышаны и приняты: однажды после полудня, когда солнце стало склоняться к западу, царь собственными глазами увидел составившееся из света и лежавшее на солнце знамение креста с надписью: «сим побеждай»²⁶⁴. От этого зрелища ужас объял как самого царя-полководца, так и всё войско, которое, само не зная куда, шло за ним. Однако в первый раз чудесное видение нимало не убедило царя, а напротив, подняло в нем новые тревожные вопросы о том, что «сие» могло бы значить? В ближайшую ночь, — продолжает рассказывать Евсевий — Константин удостоился нового откровения: во сне к нему явился Христос с уже виденным на солнце знамением, и повелел сделать подобное ему воинское знамя, чтобы употреблять его против врагов. Встав утром, Константин рассказал друзьям свою тайну и затем, призвав золотых дел мастеров, описал им вид явленного знамени, поручив изготовить его в точности²⁶⁵. Это и есть знаменитый в истории Константиновского дома и вообще в истории византийских императоров Лабарум²⁶⁶. Происхождение и значение самого термина до сих пор вызывает споры; по наиболее вероятному объяснению, он заимствован из языка кельтского племени басков, жившего в Пиренеях и частью в Галлии, и значит просто «знамя»²⁶⁷. Далее Евсевий описывает знамя (писание во многом сходно с Лактанцевым). Древко представляло собой довольно длинное копьё, обложенное золотом, поперек которого, ближе к вершине, приделана рея или палка так, что вместе с копьём они образовывали форму продолговатого четырехконечного креста. С поперечной рей спускался квадратный, вышитый золотом и украшенный драгоценными камнями кусок материи, на котором помещались художественно сделанные изображения Константина и его сыновей. Выше поперечника к концу копьёя прибит золотой с драгоценными ка-

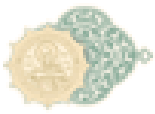
²⁶³ Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998. С. 44.

²⁶⁴ Одним из очевидцев явления Креста Константину Великому был св. Евсигний. В старости святой Евсигний оставил военную службу и удалился на свою родину, в Антиохию. Он дожил до царствования Юлиана Отступника (361–363 гг.), стремившегося восстановить язычество. По доносу одного из антиохийских граждан святой Евсигний как христианин предстал перед судом. Обвинив Юлиана Отступника в предательстве тех идеалов, за которые сражался Константин Великий, он принял мученическую смерть в 362 году. Память мученика Евсигния празднуется 5/18 августа.

²⁶⁵ Спасский А. Обращение императора Константина Великого в христианство. ТСА., 1904. С. 22.

²⁶⁶ Лабарум — государственное знамя императорского Рима с изображением креста и инициалов Христа.

²⁶⁷ Laven. Konstantin der Grosse und das Ziechen am Himmel. Trier, 1902. Gl. 20. 21.

менями венков, содержащий внутри себя, или, точнее, окаймлявший, монограмму имени Христа²⁶⁸.

Теперь хотелось бы перейти к идеалистическим причинам обращения святого Константина Великого в христианскую религию.

Тертуллиан остроумно замечает, что «христиан так много, что и сам император мог бы стать христианином, если бы мир мог обойтись без императора». То есть, если бы Константин был из числа таких людей, которых религиозный пламень охватывает сразу, то ему нужно было бы сложить порфиру. Но в области религии он довольствуется минимальным. Своим детям Константин дает христианское воспитание, а сам остается *pontifex maximus*; с христианами в первые годы своего правления он устанавливает довольно скромные отношения охранительного характера, довольствуясь, например, только изданием закона, защищающего христиан от иудеев, и предоставляет Церкви право отпускать рабов на волю²⁶⁹.

Что же касается вдовствующей императрицы Елены, то предполагать какое-то особенно благотворное влияние матери на сына нет оснований. Напротив, Амвросий Медиоланский замечает, что сама Елена обязана влиянию на нее Константина. По всей вероятности, для Константина в молодости идеалом достойным подражания был образ отца. Как уже отмечалось выше, «когда самодержавная власть над Римом была разделена между четырьмя лицами, один только Констанций (Констанций Хлор, Август с 305 г. по 306 г. и Цезарь с 293 г. н. э.) чуждался безнравственной жизни своих товарищей, стремился выражать любовь к Богу, был благодетель совершеннейшего мира между своими подданными, предоставил им безбедно исповедовать веру в Бога»²⁷⁰.

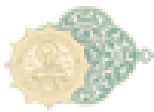
Дальнейшее знакомство Константина с христианами укрепило еще большее к ним расположение. Он видел, что христиане — хорошие подданные, что они подчиняются двойной власти — императора и епископа. Словом, Константин приближался к своему храму постепенно.

Под влиянием живых и сильных впечатлений юности в душе Константина, не находившего удовлетворения своему религиозному чувству в язычестве, начинается религиозный переворот. Хотя до 312 г. он считался еще язычником и даже в 308 г. совершал богослужение, но религиозные сомнения не покидали его. Сближение с христианами, находившимися при дворе его, окончательно склонило его к предпочтению

²⁶⁸ Спасский А. Обращение императора Константина Великого в христианство. ТСА., 1904. С. 23.

²⁶⁹ Болотов В. В. Лекции по истории древней Церкви. Т. 3: История Церкви в период Вселенских Соборов. М., 1994. С. 30.

²⁷⁰ Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998. С. 35.

христианства язычеству²⁷¹. Кроме удовлетворения своего религиозного чувства новой религией, Константин, в противоположность своим предшественникам, императорам, видел в замене язычества христианством не падение империи, но обновление ее жизни новыми идеалами; так как знал, каким братством соединены были между собой христиане, какими верными подданными они могут быть и какой прочный оплот могут составить для государства²⁷². Отсюда понятно, почему языческие писатели замечают в его выборе не прогресс, а регресс. По замечанию одного из них, Константин Великий «начал как муж, кончил как почти отрок». Однако что иное могли сказать люди, медленно, но верно терявшие влияние при дворе.

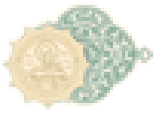
Когда Константин встал на путь, ведущий ко Христу, у него не доставало только веры в самого себя, а не веры во Христа. Он надеялся таинственно очиститься в Крещении, чтобы вступить в будущую жизнь совершенно чистым. Правда, против такого христианского его настроения свидетельствуют некоторые его деяния, явно не христианские. Речь идет о казнях Максимяна, тестя Константина (во время заговора против Константина в 310 г.); Ликиния, зятя Константина; Ликиниана, сына Ликиния (опять же, после неоднократного прощения его Константином за попытки возобновить войну), а также о казни еще одного сына — Криспа, от первой супруги Минервины. О трагедиях в императорском доме дошли до нас четыре независимых свидетельства. Евтропий упоминает о том, что Константин приказал предать смерти сына и жену. Аполлинарий Сидоний к этому прибавляет, что первый умер от яда, а вторая задушена в жаркой бане. Видно, что подобного рода смерти, от которых не остается на трупах никаких очевидных следов насильственной смерти, выбраны были, чтобы, насколько это возможно, скрыть неловкое положение императора, вынужденного прибегнуть к подобным мерам. Третий источник — это церковный историк Филосторгий. Он сообщает, что Крисп сделался жертвой клеветы своей мачехи. Затем он говорит о преступной связи Фавсты с каким-то скороходом (рабом), за которую жена Константина умерла в жарко натопленной бане. Четвертым источником служит рассказ Зосима: по его словам, Фавста обвинила Криспа в том, что он учинил или хотел учинить над ней насилие. Но уже через месяц после казни сына Константин, видимо, раскрыв, обман жены, казнил и ее²⁷³.

Как смотреть на поступок Константина, казнившего жену и сына? Чтобы понять мотивацию подобного рода действий, нужно попытаться взглянуть на произошедшее через призму тех законов, кото-

²⁷¹ Смирнов Е. А. История христианской Церкви. ТСА., 1997. С. 62.

²⁷² Там же. С. 63.

²⁷³ Лебедев А. П. Споры об апостольском символе. История догматов. Исследования по истории древней Церкви. СПб., 2004. С. 314.

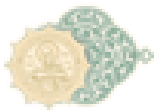
рые действовали тогда, — законов Константина, касающихся прелюбодеяния, — и законов очень строгих. В отличие от римского права, лежащего в основе многих правовых норм современных кодексов, в церковном праве прелюбодеяние и блуд являются более тяжкими преступлениями, чем, к примеру, кража или грабеж, и поэтому сами санкции за подобного рода преступления существенно разнятся (Правила Василия Великого 7, 58 и 61). Из законов же великого императора видно, что и он прелюбодеяние и блуд считал тягчайшими из всех грехов. Ознакомимся с законодательством Константина в отношении указанных преступлений. Из эдикта 322 г., которым даровалась амнистия преступникам, исключены были наряду с убийцами и отравителями одни только прелюбодеи. Константин своими законами старался ограничить конкубинат, считавшийся в римском государстве делом дозволенным.

Все эти законы Константина были изданы раньше 326 г., когда были казнены Крисп и Фавста. После же этого события строгость Константина в указанных вопросах еще больше возрастет. Из всего вышеизложенного можно сделать вывод: поскольку право охранять честь своего дома принадлежит каждому мужчине, а Крисп и Фавста преступили закон, то, наказав их, Константин не заслуживает осуждения. Если же допустить, что один из них оклеветан, то и в этом случае императору можно ставить в упрек лишь излишнюю поспешность, которая, однако же, тем простительнее, чем чудовищнее казалось ему то преступление, на какое указывало обвинение. Но, во всяком случае, было ли это преступление политическим или семейным недоразумением, трудно сказать.

Теперь — что касается вопроса о Крещении Константина на смертном одре. Он ставит в тупик исследователей самых разных направлений. В самом деле, если уже задолго до 337 г. император был по своей сути христианином, то почему он не подтвердил это официально формальным актом крещения раньше? Если же правы гиперкритики, то зачем вообще Константину понадобился обряд крещения? Очевидно, что полной ясности в этом вопросе не было и у самих христианских писателей, и вразумительного объяснения этому факту они не дают²⁷⁴.

По нашему мнению, эта проблема, в принципе, может быть разрешена, и пролить свет на ее решение может помочь анализ некоторых важных сторон мировоззрения Константина. На эту мысль наводит имеющийся у нас материал. Здесь также следует учитывать психологические, внутри- и межличностные аспекты проблемы. К примеру, Созомен, в связи с запрещением Константином ересей, сообщает:

²⁷⁴Заявление Феодорита о том, что Константин стремился креститься в водах Иордана, но не успел этого сделать, представляется весьма неудачным объяснением.

«Лишь новацианам было послабление, так как они имели добрых предстоятелей и мыслили о Боге одинаково с Вселенской Церковью, а также были многочисленны, и их епископа в Константинополе Акесия Константин уважал за святость». В другом месте своего наследия Созомен передает диалог Константина и Акесия, в котором последний излагает суть учения новациан. Акесий говорит, что новациане не вступают в общение с остальными христианами, потому что люди, «после крещения впадающие в грехи, которые в Священном Писании называются смертными, недостойны приобщаться таинств; ибо отпущение их грехов зависит только от власти Божьей, а не от священников»²⁷⁵.

По-видимому, лояльное отношение Константина к этой схизме как раз объясняется тем обстоятельством, что он придерживался сходных воззрений. Прекрасно понимая, что, будучи императором языческой империи, не совершать грехов он не сможет и, подобно новацианам, не веря в то, что после Крещения они могут быть отпущены священником, Константин желал предстать перед Богом чистым от всех грехов, приняв Крещение на смертном ложе.

Эта наивная вера в возможность обмануть Бога с помощью магического обряда очищения вполне в духе языческой ментальности. Очевидно, что эти взгляды императора были известны и получали столь своеобразное преломление в версии Зосима о причинах обращения Константина к христианству. Данное предположение дает возможность объяснить частичный компромисс с язычеством, который имел место в некоторых областях его социальной политики.

Таким образом, можно констатировать, что на протяжении всей жизни Константина его вера была «верой простеца», отчасти языческой по своему характеру, придающей магический характер символам и обрядам, но отличающейся глубоким религиозным чувством²⁷⁶. Однако нет существенных фактов, говорящих, будто его вера была фальшивой. Кон-

²⁷⁵ Лебедев А.П. Споры об апостольском символе. История догматов. Исследования по истории древней Церкви. СПб., 2004. С. 205.

²⁷⁶ Для сравнения: **Alfoldi A. The Conversion of Constantine and Pagan Rome.** Oxford, 1948. P. 19–24. А. Кохрэн также отмечает, что имеет смысл не вопрос о том, являлся ли Константин христианином или нет, а вопрос о «качестве» его веры. Он обращает внимание на то, что, по крайней мере, с точки зрения Блаженного Августина это «качество» было весьма невысоким. Здесь Августин говорит, что счастье христианских императоров состоит не в успехах их в земной жизни, а в воздаянии в мире небесном. На такое воздаяние они могут надеяться в том случае, если были скромны, сдержанны, отвращались от роскоши, проявлений жестокости и мирских страстей. То есть, перечисляются именно те достоинства, которых наши источники у Константина не находят. По поводу этого императора сказано, что он своими успехами в земной жизни обязан лишь тому обстоятельству, что на его примере Бог решил показать, что не только союз с демонами сулит успехи в подобных делах.

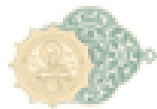

стантин Великий обратился ко Христу вполне искренне, по влечению своего сердца и по Божественному призванию²⁷⁷.

Скорая канонизация Константина Великого свидетельствует о благочестивой практике того времени. Е.Е. Голубинский обнаружил следующую закономерность: в первом тысячелетии христианства можно проследить принцип, по которому древние архиереи и многие благочестивые цари и князья причислялись к лику святых уже по самому своему положению, если, конечно, они не впадали в откровенные ереси или не были лицами с заведомо дурной репутацией²⁷⁸. И уж тем более это правило распространялось на святого равноапостольного царя Константина, ибо очевидно, что чаша весов склонилась в сторону принесенной им пользы. Те изменения в обществе, которые произошли после его реформ и открытого покровительства истинной Церкви, безусловно, можно назвать своего рода «христианской революцией» потрясшей до основания Римскую империю с ее многовековым языческим культом. Именно при св. Константине Церковь стала ведущей силой не только в идеологической, но и политической жизни империи, постепенно принимая на себя ту ношу, которую традиционные социально-политические институты были не в силах удержать на своих плечах. Период, когда христианство укоренялось в сознании людей, можно условно разделить на три этапа. Первым этапом, или начальной фазой данного процесса, было жесткое противостояние христианства и языческого мира, когда восприятие новой религии прозелитами означало для них полный разрыв с традиционной культурной традицией во всех ее формах, а языческому миру вера христиан представлялась пустым суеверием. Вторым этапом стало признание Бога христиан в качестве духовной силы, столь же реальной, как и другие боги. Церковь, воздействуя через социальные институты, постепенно внедряла в сознание масс свой, свойственный христианству способ мирозерцания, свои навыки мышления. Это не было процессом одностороннего «обмирщения» Церкви или, наоборот, тотальной ломки всего античного наследия. Ряд явлений, подобно императорскому культу или изобразительному искусству, переосмысливался и наполнялся новым содержанием, что-то, совсем уж неприемлемое, постепенно изживалось, как это случилось с гладиаторскими боями или институтом конкубината. А что-то оставалось, растворяясь и преобразаясь под воздействием новых идеалов. Третьим, завершающим этапом переворота в общественном сознании стала христианизация уже не только по форме, но и по существу.

²⁷⁷ Попов А.Д. Святой Равноапостольный Царь Константин Великий. 3-е издание училищного Совета при Священном Синоде. СПб., 1913. С. 29.

²⁷⁸ Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 15.

Святой же равноапостольный император Константин навсегда войдет в мировую историю человеком, положившим начало сложному и продолжительному процессу христианизации, тем самым исполнившим завет Господа Бога своего: *Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь* (Мф. 28:19–20).